

Дом там, где родина?

Общественная работа - 1997 - 6-12 апреля - с. 7



«Мы там чужие», — утверждает, вернувшись из Израиля, актер Валентин НИКУЛИН в беседе с кинорежиссером Инной ТУМАНЯН.

— Так ты вернулся?
— Если однозначно ответить, то да, я вернулся. Я уже пятый раз в России — и теперь окончательно.

— Сколько лет тебя не было?
— Шесть лет.
— И эти шесть лет...

— Были печальные. Мне казалось, что еду на Запад. А я переселился на густо намешанный Восток. Козаков появился в России раньше меня. А когда вернулся в Израиль, позвонил мне. Настроение было мрачно-ватое. Он сказал мне: «Мы с тобой не мальчики. (А я-то старше, мне в июле 97-го будет шестьдесят.) Как ни крути, мы с тобой на финишной прямой. И если нам суждено еще что-то сделать, то это, конечно, в России. Там наши зрители. Наше поколение. Наши режиссеры».

— Ты ведь знал, что жизнь в России круто изменилась?

— Да, я знал. Я очень волновался. Люди рассказывали, предупреждали: смотри, Валя, жизнь очень изменилась. И потом, я смотрел телевидение. Бы-

— А потом?

— А потом я стал ездить на Новый Арбат. В Дом актера. Ходил по Садовому кольцу. Мчались автомобили-иномарки... Эти светящиеся палатки... Много рекламы. И в метро: выражение глаз людей, которые смотрят сквозь тебя...

— Но там тоже палатки, рекламы, много света...

— А здесь — непривычно. Всё непривычно. И лексикон русского новояза: «Что ты на меня наезжаешь?» И тусовки. Я не тусовочный человек. Мне объяснили, что надо появляться, обмениваться визитками, завязывать дела и знакомства. Самое грустное мое наблюдение — люди изменились. Общение стало иным. Шутки меньше. Вот, скажем, мы стояли и разговаривали с Квашой, моим коллегой по театру. Подошел Гафт, отвел его на две минуты, они что-то обсудили — быстро, поделовому, кратко, конкретно. Всё стало прагматичнее. Нет легкого общения.

— Тебя встретили доброжелательно?

— Очень. Очень! Но никто не сказал: «Приходи», не позвал домой.

— Ты почувствовал себя чужим? Что-то потерял?

— Чужим — нет. Чужой я там. А потерял я время. Ведь как я уезжал? Я был вырван из жизни сразу, одномоментно. Решение принимала моя супруга. А у меня была иллюзия: есть возможность узнать и попробовать какую-то иную жизнь...

— И что же иная жизнь?

— Там всё чужое, хотя много русских. Но самое главное не это. Самое главное — у меня не случился роман с языком. Меня с языком — ну просто ломало! А для актера язык — главное. Актер должен играть на родном языке. Важно играть, думать, чувствовать по-русски. И общаться со зрителем на русском. Там другая публика. У нас, ты знаешь, — талантливый зритель!

— А что такое зритель там? Вот существует их национальный театр «Габима»...

— Ну что «Габима»? Собирается четверть зала. Вот они сделали «Отелло» Шекспира. Это имеет такое же отношение к Шекспиру, как мы с тобой к китайской империи. Спектакль прошел девять раз — и всё. Там другая ментальность. У нас, здесь, зал дышит вместе с тобой. А там русская публика озабочена другими проблемами: нужно кончить ульпан, как-то освоить язык и прочее.

— У актеров «Габимы» есть свой контакт со зрителем?

— Не знаю. Определенно могу сказать: актеров это не интересует. Это у нас остались воспоминания о зрительских конференциях, которые проводил «Современник». Там это никого не интересует. Есть такое понятие: кессо. Касса. Вот это и есть бог Кесс.

— Здесь тоже это началось.

— Я знаю. Но Россия — театральная страна, а Израиль — не театральная страна и не кинематографическая.

— Скажи, если б можно было вернуть время — ты не уехал бы?

— О, конечно, нет. Во-первых, я должен был оставить квартиру. Как это сделал Козаков. Сегодня я без крыши. Но это уже другая проблема. Важно, что я выпал из какого-то процесса. Вот я думал: может, я, как Кваша, тоже оказался бы у Белого дома тогда... Да, я знаю, что весь перестроечный театральный процесс я переживал бы тяжело. Но это бы происходило при мне! И потом, пойми: если бы я был художник, писатель. Вот Неизвестный уехал, Шемякин... Но я человек коллективной профессии. И в природе этой профессии заложено тяготение к рядом находящемуся локтю. Я работал в труппе театра, был репертуарным актером. Да, бывали паузы, — но тогда я снимался, давал концерты. Был в творческом процессе. Вот сейчас я без квартиры — без крыши и без работы.

— Ты хочешь сказать, что, если бы было много работы, ты чувствовал бы себя комфортно, даже бездомный?

— Конечно. Остальное образуется.

— Не странно ли, Валя, что ты, наполовину еврей, вообще не почувствовал еврейского языка? Дух еврейского государства...

— Произошло еще одно смещение понятий, которое вы все никак не можете осознать. Что такое для нас были тогда евреи? Еврей — это Ландау, Ойстрах, Гилельс, с которым я жил на одной площадке. Вот были евреи для нас! А там не еврейское государство, а израильское. Не надо путать. Это совершенно иное.

— Они более прагматичны?

— Безусловно.

— Они не гордились бы Ойстрахом?

— Они гордились бы Ротшильдом. Израильское государство экономически подготовили американцы. Это важно. Да нет, там много замечательного! Прекрасный климат, экологически чистая еда. Но язык... Он... прямой, математический, что ли. Разве можно сравнить с русским! И потом, как бы ни изменились здесь люди, — я найду свою нишу, пусть небольшой круг...

— А там невозможно? С кем-то из русских...

— Это единицы, единицы! Вот у меня целая записная книжка — люди здесь, в Москве, в Питере. Они близки мне духовно, по образу мышления, по ценностной шкале. Там мне некому позвонить. И вот теперь мне нужно еще раз ломать свою жизнь. Но я хочу работать здесь!

— А жить — там?

— Туда наезжать, чтоб продохнуть. Может, подлечиться. Там мои книги. Моя картотека.

— А там есть богатые актеры?

— Там есть просто благополучные люди. Там актеры не занимают такого места, как здесь.

— У нас актеров привлекают в избирательные кампании...

— Но я не играю в эти игры, никогда не играл. Я в этом ничего не понимаю. И главное не в этом. Когда я уезжал, решение принимал не я. Всегда решал не я. Я так устроен психологически, такой генотип. Мои женщины всегда были сильнее меня, они решали. А теперь решаю я. Потому что знаю, моя профессия возможна для меня только здесь. Наверное, это будет медленный процесс, постепенный. На это уйдет много времени. Ну значит, — так и будет...

вало, мчишься через весь город, чтобы успеть включить «Вести»...

— Первое, что ты сделал, как приехал, — что это было?

— Я пошел к себе в театр, в «Современник». Доехал до станции метро «Кировская», теперь «Чистые пруды». Шел мягкий легкий снежок. И я, как много лет подряд, шел все той же дорогой в «Современник». И поймал себя на том, что, собственно, всё нормально! Всё по-прежнему. Как не уезжал! Тот же бульвар. Единственное, что ломали стеклянный ресторанчик на берегу Чистых прудов...